

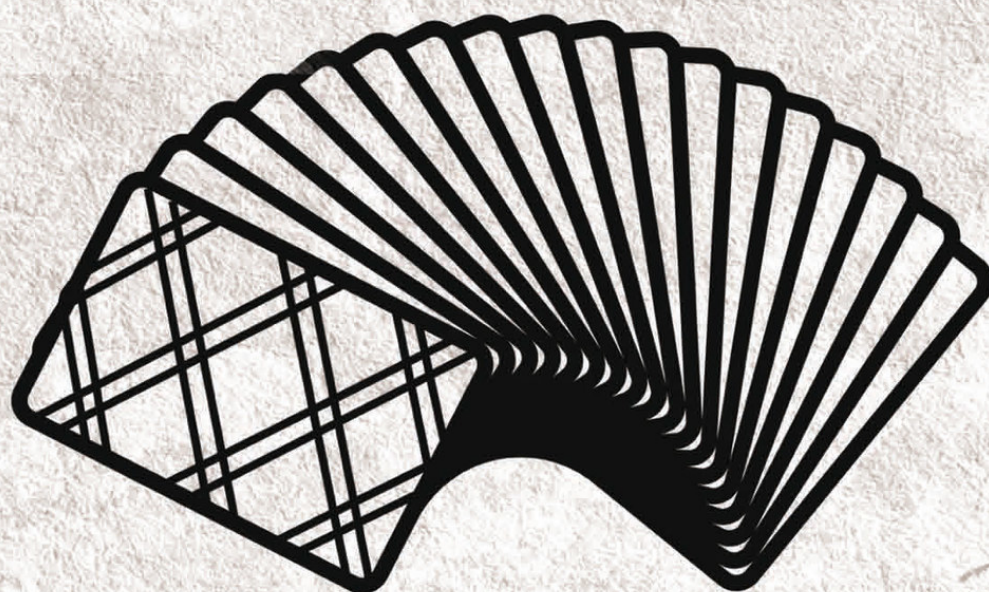
УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА

СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

НА КРЮЧКЕ

**ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ**

Седьмая линия

Анастасия Валеева

На крючке

«Научная книга»

Валеева А.

На крючке / А. Валеева — «Научная книга», — (Седьмая линия)

Если человеку кажется, что за ним следят – или у него паранойя, или он прав. А если этот человек пропадает и детектив-экстрасенс не может выйти с ним на связь по своим энергетическим каналам, то дело, скорее всего, на самом деле плохо. Яна Милославская, используя свой сверхчеловеческий арсенал ясновидящей, берется за это непростое расследование...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	24
ГЛАВА ПЯТАЯ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анастасия Валеева

На крючке

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Апрельские сумерки не спешили с приходом. В этой ленивой неспешности была некая томная грусть, которую Евгения Галкина чувствовала так же отчетливо, как в иные дни – собственную неприкаянность. Апрель всегда будил в ней ощущение мучительной незавершенности, которое исходило тихим отчаянием, обрывалось в пустоту, закипало надрывом. Так что ее обычная стервозность была сметена и повержена, как первый весенний дождь прибывает к земле вихрящуюся пыль. Была в этом накатывающем волной чувстве и своя сладость, медленная, вальсирующая тоска, некое мазохистское упорство в признании своего неизбывного одиночества.

Женя была, что называется, устроена в жизни. Нет, ее папа не был толстосумом, мама – бизнесвумен, заведующей продагом или работником дипломатической службы. Женя сама пробивала себе дорогу своим талантом, умом и усердием. Окончив филфак, она не пошла работать в школу, решив, что возня с детьми не для нее, а, закончив компьютерные курсы, поступила секретарем в коммерческую фирму. Она неплохо знала английский, так что вскоре стала незаменима на своем посту. Исполнительная, подтянутая, строго соблюдающая правила субординации – что еще можно было пожелать работодателю от служащей? Но фирма через два года развалилась, и перед Женей снова встала проблема трудоустройства. На этот раз она пошла работать в казино, ее бойцовский характер прямо-таки требовал трудностей и барьеров, в преодолении каковых ей виделся смысл жизни. При упоминании казино, ее сознание живо нарисовало ей отвратительные картины всеобщей продажности, грязных махинаций, наглого мошенничества, циничного распутства. Но вскоре, посчитав эти картины рвами и преградами, которые нужно преодолеть, она пересмотрела свое мнение, доверившись подруге, которая посоветовала ей стать крупье.

Женя была хороша собой. У нее было все, чтобы пленять старых и молодых: пара длинных ног, тонкая талия, упругая грудь, плавная походка, красивое, не испорченное косметикой лицо. Яркая внешность часто оказывала ей дурную услугу – к ней цеплялись все кому не лень – но порой и помогала. Она знала, что сексапильна, нравится мужчинам и, не чуждая самоиронии, удивлялась, как при такой привлекательности не стала сердцедажкой. Видно, помогло строгое родительское воспитание.

И все-таки, несмотря на этот успех, весной, а именно в конце апреля, когда деревья принимаются шелестеть свежепоявившейся, глянцевитой листвой, она всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Эмоциональная, хотя и привыкшая скрывать эмоции под маской приличной, погруженной в работу девушки, Женя недоумевала по поводу этой весенней пустоты, свившей гнездо в ее странно обеспокоенной душе. Замирая от какого-то горестного восторга, она шла по тротуарам, ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин и поражалась собственной холодности и отстраненности. А еще она изумлялась своей непростой и сложной натуре, и это изумление мигом перерастало в тщеславную гордость.

Так было бы и на этот раз, если бы не то новое тревожное чувство, которое грозило стать манией, однажды поразив ее впечатлительную душу. Она уже стала сомневаться – все ли нормально у нее с психикой? Навязчивость страха, его омерзительная нагота и неуязвимость заставляли ее испытывать к себе отвращение. Она подолгу изматывала себя разными дурацкими вопросами, желая убедиться в собственной рассудочности. Дело в том, что Жене с некоторых пор стало казаться, что за ней кто-то следит. Один раз она даже побежала, ей почуди-

лось, что шедший сзади мужчина «пасет» ее. И она испытала настоящий ужас, когда шедший ей в тот момент навстречу парень, погрузив руку во внутренний карман пиджака и неотрывно глядя на нее, вдруг резко ускорил шаг. Она решила, что тот непременно держит ладонь на рукоятке ножа или пистолета. Женя представила, как холодное лезвие проникает в нее, как ее беззащитная плоть трепещет и обмякает, сочась темной кровью. Пару раз она посещала психотерапевта, который истово убеждал ее в необходимости вспомнить свои детские впечатления, считая, что нынешнее положение вещей связано с забытой ранней травмой, ставшей причиной неосознанного страха перед мужчинами.

Женя мысленно послала куда подальше врачевателя душ – у нее был бой-френд, и она еще умудрялась наставлять ему рога – этого требовала ее неоднозначная натура. Не желая быть оболваненной толстым лысым фрейдистом, она обратилась к экстрасенсу. Уж он-то должен разобраться в ее причудливом внутреннем мире, она представляет исключительный случай, ею должны заинтересоваться. Магия, гадания, пророчества – это впечатляет, это способно выдернуть из мрака удаленные закоулки ее экзотической души. Женя виделась самой себе великолепными джунглями, а усилия экстрасенса в ее представлении были полезной человеческой практикой, цель которой состояла в том, чтобы освоить эти непокорные леса, сохранив при этом их неповторимую красоту. И в виду того, что эта формулировка несла душевный уют, Женю не смущала ее парадоксальность.

С удовольствием подставляя лицо теплым солнечным лучам, Женя подошла к подъезду своего дома, перед которым на несколько мгновений задержалась, чтобы открыть кодовый замок, установленный на металлической двери. В полумраке подъезда она поднялась на третий этаж, достала из сумочки ключ и вставила его в прорезь замка. Механизм щелкнул с сухим хрустом, и Женя замерла на пороге со смешанным чувством негодования и досады, обозревая открывшуюся перед ней картину.

Дверца шкафа-купе была отодвинута, и все что находилось когда-то внутри, в страшном беспорядке валялось на полу. Причем было такое ощущение, что хулиган или вор – это было первым, что пришло ей в голову – не просто выкидывал шмотку за шмоткой, а тщательно осматривал каждую из них. Но шубка из чернобурки была на месте, дорогое кашемировое пальто – тоже, и Женя тут же засомневалась в правильности своего первоначального предположения. Она мягко переступила через одежду и двинулась в гостиную. Там было не лучше. Все, что могло быть открыто, было открыто, и все, что могло быть вынуто – вынуто. И не просто вынуто, а к тому же вывернуто буквально наизнанку. «Ну я им покажу!» – едва переводила она от гнева дыхание. И вдруг мозг обожгла мысль: «Золото!» У нее были кое-какие украшения, правда не много, но вполне приличные, которые она покупала, когда удавалось скопить или выцыганить необходимую сумму у приятеля. С замиранием сердца и дрожью в ногах она добралась до шкафа, где хранилась маленькая, из красного дерева шкатулка с драгоценностями. Дверца была нараспашку, и на полке, где за бельем была спрятана шкатулка, ничего не было. «Ну все, кранты!» – решила она, нервно оглядываясь по сторонам. «Дура, ой какая же я дура!» – шептала Евгения, сдерживая слезы, – говорила же Тамарка, чтобы поставила стальную дверь». Телевизор, видеок и музыкальный центр стояли на своих местах и это хоть немного успокоило ее. «Нужно посмотреть в спальне», – мелькнула мысль, но сейчас же и затухла сама собой. Сердце едва не выпрыгнуло у Жени из груди, когда под ворохом простыней, наволочек и пододеяльников она заметила уголок деревянной коробочки. Буквально плюхнувшись на белье, она схватила шкатулку трясущимися руками и раскрыла ее. Она не поверила своим глазам. Все, с чем в душе она уже распрощалась, было на месте. Женя высыпала украшения на какую-то тряпку и стала по одному складывать их назад в шкатулку, тщательно рассматривая каждую вещицу.

Она не успела еще задаться вопросом: «Кто же устроил у нее в квартире Варфоломеевскую ночь?» или просто еще не сформулировала то, что с самого первого мгновения крутилось

у нее в мозгу. Вообще не прошло еще и тридцати секунд с того момента, когда она очутилась в прихожей и осознала, что в ней кто-то побывал. Женя продолжала заниматься своими драгоценностями, когда на кухне что-то упало, заставив ее вздрогнуть всем телом. Оставив золотишко на белье, она порывисто поднялась, машинально схватив индийскую латунную вазу с узким горлом, валявшуюся тут же на полу, и двинулась на кухню. Страх не было, а только готовность защищать свое добро от любого посягательства. «Никто, ни один сукин сын не имеет на это права», – произнесла она почти вслух, крепко сжимая вазу за горлышко.

То, что она увидела на кухне, было повторением бардака, царящего в прихожей, гостиной, а может, и в спальне, до которой она еще не добралась. Ни одной кастрюли, ни одной тарелки, ни одной емкости для сыпучих продуктов, которые Жене так нравились, не стояли на своих местах. Все, что могло быть открыто, было открыто нараспашку. Крупы, сахар, мука, макаронные изделия вперемешку были рассыпаны на столе и на полу. Рядом валялись осколки красивой японской тарелки с веточками пихты на ободке. Посреди всего этого безобразия стоял человек, которого Женя знала, но увидеть в это время у себя в квартире никак не ожидала. И уж тем более не ждала она, что он может выкинуть такой финт, сотворить такой разгром! Все внутри у нее заклокотало от невиданной наглости.

– Может, объяснишь, какого черта тебе здесь нужно? – перехватив поудобнее вазу и еле сдерживая гнев, спросила Женя. – Или я сейчас же звоню в милицию...

Ей не удалось выслушать признания налетчика, а тем более подойти к телефону, чтобы исполнить обещанную угрозу. Тяжелая чугунная сковорода с ручкой, на которой так удобно было жарить картошку, с металлическим звоном опустилась ей на голову. Жуткая мгновенная боль пронзила все тело Евгении до самого копчика, на секунду задержавшись в шейном отделе позвоночника, затем похолодели кончики пальцев, руки сами собой разжались и ваза загремела, ударившись о большую кастрюлю из нержавейки, валявшуюся рядом. Потом стало тепло и уютно как в материнской утробе, голову окутал влажный быстро сгущающийся туман, поэтому глаза, хотя и остались открытыми уже ничего не видели. Она упала на колени, когда еще один удар сковороды заставил душу окончательно покинуть ее молодое красивое тело. К счастью, этот удар не причинил ей боли, потому что она уже ничего не чувствовала. Повалившись на бок она замерла, откинув голову и устремив глаза куда-то в потолок, и осталась так лежать среди кастрюль, тазиков для варенья и разбитой посуды.

* * *

Яна Борисовна Милославская – сыщик-экстрасенс – вела, не сказать, что спокойную, но довольно уединенную жизнь. Просыпалась она, если не было каких-то неотложных дел, часов в десять-одиннадцать и позволяла себе еще немного понежиться в постели, если этого хотелось. Джемма – ее преданная овчарка-среднеазиат, ложилась тогда на коврик рядом с диваном хозяйки и поглядывала на нее своими большими умными глазами, спокойно ожидая, когда та соизволит подняться и насыпать ей корма из большого цветного пакета.

Сегодня был один из таких дней, когда особых дел не предвиделось, и Яна потягивалась на постели, радуясь солнечному свету и теплу, проникавшему в спальню сквозь неплотно прикрытые шторы. Был у нее, правда, один клиент, вернее клиентка, которой казалось, что кто-то ее преследует, но Яна, пообещав непременно заняться ее проблемами, который день не могла заставить себя усесться за магические карты. Впрочем, особой беды Яна в этом не видела: мало ли у людей маний и фобий, к тому же, как раз сегодня она и попробует что-то сделать для этой молодой женщины.

День сегодня, в общепринятом понимании, был не совсем обычный – Первое мая – день то ли солидарности с кем-то и в чем-то, то ли весны и труда, как сейчас его, кажется, называли, но для Яны он ничем не отличался от других таких же праздников, включая Восьмое

марта, День непонятно от кого независимости, День непонятно для кого конституции и так далее, исключая, пожалуй, лишь Новый год. Тогда она вешала на растущую перед окнами сосенку гирлянду электрических лампочек, запекала в печке гуся с яблоками, пила шампанское и красное вино. Короче говоря, государственные да и церковные праздники вносили в ее жизнь лишь неудобства, связанные с расследованием того или иного дела, так как в эти дни закрывалось большинство предприятий, и найти нужных свидетелей можно было только дома или где-нибудь на природе. Настоящий же праздник – праздник души, как она его называла – Яна могла устроить себе в любой день, когда для этого было подходящее настроение. Тогда она готовила что-нибудь вкусненькое и откупоривала бутылку красного вина или хорошего коньяка или отправлялась в какое-нибудь уютное кафе, где звучала легкая музыка и была приятная обслуга.

Магическим картам было безразлично, какой сегодня день недели – выходной, рабочий день или календарный праздник. Для работы с ними требовался лишь небольшой предварительный отдых.

– Подожди, моя собачка, – Яна опустила руку и потрепала Джемму по загривку, – сейчас мамочка задаст тебе корма. – Она разговаривала с Джеммой как с человеком, иногда ей даже казалось, что она улавливает Джеммины мысли.

Милославская поднялась, прошла в прихожую, где стояла миска Джеммы и наполнила ее кормом. Удостоверившись, что решетка на двери, закрывающая лаз, через который собака могла в любое время выйти из дома во двор, дабы сделать свои собачьи дела и вернуться обратно, поднята, она прошлепала на кухню и, включив чайник, принялась молотить кофе.

Закипевший чайник автоматически отключился. Яна засыпала в серебряную джезву тонко помолотый кофейный порошок и сахар и, залив кипятком, поставила на маленький огонь, поджидая, пока пышная золотисто-коричневая пенка поднимется шапочкой. Кофе и сигарета составляли обычный завтрак Яны, к которому с некоторых пор она стала прибавлять овсянку, сваренную на воде и приправленную небольшим количеством масла. Сегодня с овсянкой возиться она не стала, ограничившись двумя чашками кофе.

Вторую чашку она забрала с собой в гостиную, где на журнальном столике лежала колода карт и визитка, которую оставила клиентка. Поставив кофе на угол стола, она взяла колоду и тщательно перетасовала ее.

«Галкина Евгения Юльевна», – она мысленно представила себе клиентку и нашла в колоде карту «Взгляд сквозь пространство».

Правая ладонь Милославской лежала на карте. Яна закрыла глаза, ожидая, когда наступит необходимое состояние, но ничего не происходило. «Господи, не может быть!» – прошептала Яна, приготовившись к самому худшему. Такое могло произойти только в одном случае – когда человек был мертв, и невозможно было уловить его энергетику. «Неужели Галкина была права, когда говорила, что за ней кто-то скрытно наблюдает?» – Яна снова перемешала карты и выбрала ту, которую называла «Царство Аида».

Проделав с ней те же самые манипуляции, что и с первой, она смежила веки.

Милославская поняла, что «находится» в квартире. В квартире, по которой словно пронесся тайфун, сметающий все на своем пути. Казалось, не было ни одного предмета, не сдвинутого со своего места. Прихожая, гостиная, спальня – везде одно и то же. Мысленно управляя своим внутренним взором, Яна направилась на кухню, заметив по пути раскрытую шкапулку с золотыми украшениями. Труп, с неестественно вывернутой головой лежал на полу среди поверженной кухонной утвари. Рядом с телом Яна увидела высокую вазу индийской работы, которая лежала в ногах жертвы. У Милославской возникло такое ощущение, что бедная женщина пролежала в таком положении не один час, а может, и не один день.

Яна открыла глаза, сняла ладонь с карты и тяжело вздохнула; каждое такое обращение к карте отнимало большое количество энергии, которое потом приходилось восстанавливать. К примеру, Яна не могла использовать подряд больше двух карт, к тому же, между сеансами ей была необходима двухчасовая передышка. Исключение составлял лишь «Джокер», отнимавший вдвое меньше энергии.

Сделав глоток кофе, Яна откинулась на спинку кресла и закурила. Неужели она виновата в том, что не начала работать по заказу Галкиной на несколько дней раньше? Возможно, тогда Евгения осталась бы в живых. Милославская вспомнила разговор, произошедший несколько дней назад.

* * *

Галкина пришла днем, предварительно позвонив, но не объяснив по телефону цель своего визита. Уловив в ее голосе тревожные нотки, Милославская согласилась на встречу, но обещать ничего не стала, как впрочем и всегда.

Открыв дверь, Яна увидела на пороге стройную молодую шатенку двадцати с небольшим лет, с короткой мальчишеской стрижкой, прямым, немного крупноватым носом, пухлыми губами и большими серыми глазами, в которых бегали какие-то нервные искорки.

– Здравствуйте, я – Галкина, – она покосилась на Джемму, замершую у Яниной ноги.

– Добрый день, – Милославская жестом отправила собаку в гостиную и шагнула в сторону, освобождая посетительнице дорогу, – пожалуйста, проходите.

– Даже не знаю, с чего начать, – сказала Женя, судорожно теребя в руках сумочку, когда они устроились в креслах и Яна приготовила кофе. – Такая необычная ситуация.

– Если хотите, можете курить, – Милославская вынула сигарету для себя и пододвинула пачку к Галкиной.

– Спасибо, – Женя достала сигарету и, сунув ее в уголок рта, прикурила.

Некоторое время они молча курили, пили кофе, и Милославская исподволь поглядывала на потенциальную клиентку, стараясь обрисовать для себя ее психологический портрет. По ее движениям, взглядам, манере сидеть, держать сигарету и прочим мелким деталям, обычно ни о чем не говорящим не специалисту, Яна решила, что перед ней не вполне уравновешенная личность, склонная к аффектации, но старающаяся держать себя в руках и, именно поэтому, еще более агрессивная. Впрочем, эту нелицеприятную характеристику можно было дать четверти, если не трети населения страны.

– Как вы узнали обо мне? – спросила Милославская, пытаясь таким простым вопросом настроить Галкину на положительный лад.

– Знаете, это так странно, – улыбнувшись уголком рта, произнесла Галкина, – когда я подумала, что со мной творятся какие-то необъяснимые вещи, мне под руки попала старая газета со статьей о вас. К счастью, ваш телефон оказался в телефонном справочнике. Вы думаете, это провидение?

– Возможно, – Яна не стала возражать. – Так что вас беспокоит?

– Мне всегда казалось, что я нормальный в психическом отношении человек, – Галкина затушила сигарету и снова начала теребить в руках сумочку, – ну, – она снова слабо улыбнулась, – возможно, с некоторыми отклонениями, но у кого их нет?

– Во всяком случае, – подбодрила ее Милославская, – ваша самооценка и самоанализ делают вам честь. Продолжайте, пожалуйста.

– Хочу предупредить, – она несколько раз моргнула и почесала кончик носа, – что у меня нет абсолютно никаких доказательств того, о чем я хочу вам рассказать.

– Поэтому-то вы пришли ко мне а не в милицию, – догадалась Милославская.

– Конечно, – согласилась Женя. – Это началось дня три-четыре назад, то есть, я хочу сказать, мне стало казаться это дня три-четыре назад, – поправились она.

– Хорошо, – кивнула Яна. – И что же вам стало казаться?

– Что за мной кто-то следит.

– Вы можете это как-то объяснить?

– В том-то и дело, что нет, – Галкина покачала головой, выпятив пухлые губы.

– То есть, – пыталась помочь ей Яна, – вы не видели никого или ничего подозрительного?

– Да, то есть, нет, то есть, я думаю, что может быть, эта машина...

– Какая машина?

– Два или три раза я замечала белые «Жигули-сто десять», – растерянно произнесла Евгения, – но...

– Но вы не уверены, – подсказала ей Милославская, – что это именно та машина, из-за которой вы чувствуете себя не в своей тарелке.

– Правильно, – подхватила Галкина, словно боясь, что нужная мысль улизнет от нее так и не сложившись во фразу. – Но это только мои предположения. Я ничем не могу их подтвердить.

– Вы никого не видели в салоне этого автомобиля? – Яна не стала говорить Жене, что та повторяется, а просто продолжала задавать наводящие вопросы.

– Дважды я оглядывалась и мне казалось, что я вижу эту «стодешятку», но она была далеко и я ничего не могла рассмотреть. Последний раз, это было утром, два дня назад, я прошла мимо этого автомобиля, когда выходила с работы. Мне показалось, что там никого не было, но я в этом не уверена, потому что стекла у этой машины такие блестящие, непрозрачные с внешней стороны.

– Почему вы думаете, что это именно тот автомобиль?

– Не знаю, – Галкина пожалала плечами, – я просто поняла это, вот и все.

– Ага, поняли, – кивнула Яна, – это замечательно. Может быть, вы случайно запомнили номер этого автомобиля, ведь в этот раз вы были совсем рядом?

– Я записала, – Галкина начала торопливо копаться в сумочке, достала оттуда визитку, на обратной стороне которой был записан номер автомобиля. – Вот, – она протянула визитку Милославской, – там есть и мои координаты, если понадобятся...

– Хорошо, – похвалила ее Яна, – я попробую что-нибудь предпринять, но ничего определенного обещать вам не могу. Кстати, где вы работаете?

– Казино «Большая игра». Знаете?

– Знаю, – кивнула Милославская. – И что же вы там делаете? Здесь написано «старший крупье», – покрутила она в руках визитку. – Вы имеете какое-то отношение непосредственно к деньгам?

– Нет, – Галкина покачала головой, – мое дело следить за работой крупье, координировать их графики работы, менять при необходимости, когда кто-то слишком много выигрывает. Разбирать конфликты между крупье и клиентами, если они возникают.

– Думаю, вы понимаете, почему я спрашиваю об этом? – Милославская подняла на Евгению вопросительный взгляд. – Я хочу знать, не могут ли вас преследовать из-за денег, если вас действительно преследуют? Но раз вы говорите – «нет»... – она замолчала, пристально глядя на Галкину.

– Нет, – еще раз подтвердила та. – Значит, вы мне верите?

– Пока это не имеет значения, – Яна достала новую сигарету. – Давно вы работаете в казино?

– Почти год, сначала просто крупье, а недавно меня повысили.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– У вас хорошие отношения с коллективом, с начальством?

– Ну, с начальством скорее «да», а с коллективом... тоже нормальные, – после некоторой паузы добавила Галкина.

– Что ж, – улыбнулась Милославская, – больше у меня к вам вопросов нет. Пока... Если вы хотите, чтобы я занялась вашим, так сказать, делом, с вас триста рублей. Это аванс.

– Когда я буду знать результат? – Женя достала из сумочки деньги и положила их на стол.

– Через пару дней, – убедительно сказала Милославская, – я поработаю и позвоню вам, чтобы сообщить, что у меня получилось.

– Может и не получится? – настороженно спросила Галкина, поднимаясь.

– Все может быть, – Яна тоже встала, чтобы проводить гостью, – особенно в нашей стране.

Шутка, – добавила она, видя, как напряглась ее клиентка, – обычно у меня получается.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Может быть, может быть, – думала Яна, – может быть, ничего такого и не произошло бы». Но вскоре она отбросила ненужные гипотетические рассуждения, подняла телефонную трубку и на секунду задумалась. Лейтенант Руденко, которому она собиралась позвонить, чтобы сообщить о трупе в квартире Галкиной, наверняка был сейчас дома или жарил шашлык где-нибудь на природе в компании своих сослуживцев. Был, конечно, маленький шанс, что у Семена Семеновича дежурство, и он сейчас на службе у себя в кабинете, но Яна все-таки сначала набрала номер его домашнего телефона. Долго никто не отвечал, и Яна собиралась уже нажать на «отбой», когда заспанный голос Руденко буркнул в трубку: – Какого черта, мать вашу?

– Я уж думала, ты на где-нибудь в лесу или на Волге шашлыки трескаешь и запиваешь их портвейном, – не обращая внимания на недовольный и даже грубый тон лейтенанта, сказала Яна, – а ты дрыхнешь без задних ног, понимаешь.

– Могу я раз в месяц нормально поспать, а, Яна Борисовна? – Руденко все же немного смягчил тон. – А вот портвейна, между прочим, мне никто не догадался предложить, хотя нынче и праздник, – добавил он.

– Наверняка ты с отделом вчера набрался, Семен Семеныч, – с ходу раскусила его Милославская, – но я все равно тебя поздравляю, если ты так настаиваешь. А где, скажи на милость, твоя половина?

– Надеюсь, ты звонишь мне не только для того, чтобы это спросить? – с едкой усмешкой спросил Руденко.

– Не только.

– На даче, где ж еще ей, неугомонной, быть? А я решил немного расслабиться. Правда, она с утра устроила мне взбучку – хотела вытянуть меня с собой, к маме, – тут раздался язвительный смешок, – а мне, сама понимаешь, эта мама... – он присвистнул, демонстрируя полное пренебрежение. – Малец с ребятами на Волге и в самом деле шашлык лопают.

– Семейная идиллия, – иронично констатировала Яна, – а вот с некоторыми в такие тихие погожие дни страшные вещи случаются, – собственная иносказательная манера показалась ей весьма зловещей.

– Что-то ты все вокруг да около, – упрекнул Яну в многословии Руденко.

– Сеня, – голос Милославской дрогнул, – у меня к тебе дело.

– Ну, конечно, как я не догадался! Просто так позвонить, с праздником поздравить – тебя нет, а с делом – тут как тут! – с горячностью выпалил Руденко.

– Слушай, Сеня, какие праздники! Ко мне несколько дней назад обратилась девушка – ей казалось, что кто-то за ней следит. Я пообещала заняться ее делом. Особа не слишком уравновешенная, нервическая, я бы сказала. Так вот, сегодня я карты раскинула – вижу что-то не так. Я – в царство Аида...

– А покороче? – нетерпеливо перебил Милославскую Руденко, – мне твоя мистика...

Последовал заряженный насмешливым раздражением смешок. Руденко обладал здоровой крестьянской жилкой, был насквозь прагматичным и земным. Янины «чудеса», как он называл ее прорицания и гадание, он принимал лишь в том случае, когда на практике убеждался, что они «сбылись». Постфактум, как говорится. Вначале он всегда ломал комедию, то ли действительно не доверяя, то ли разыгрывая недоверие – ведь у него была масса возможностей убедиться, что Янины видения имеют самое непосредственное отношение к действительности. Ибо действительность – везде, вверху и внизу, а не только там, где ходят обыватели, шаркают шинами автомобили и такой фрукт, как Руденко, в который раз разыгрывает драму «мыслящего тростника».

– Эта девушка мертва, – напрямик сказала Яна, – ее труп находится в квартире. У меня есть ее рабочий и домашний телефон, – на обороте карточки, которую взяла Яна, карандашом был написан домашний телефон Жени, а чуть ниже, чернилами – номер того злополучного автомобиля, из которого, как казалось девушке, за ней вели наблюдение. – Поможешь?

– Узнать адрес? – выдохнул Руденко.

– Я звонила ей на работу – ее там нет. Нужно послать к ней в квартиру кого-нибудь. Судя по номеру домашнего телефона, это твой район, – проявила завидную храбрость Милославская, потому что Руденко обрушился на нее с сердитой отповедью.

Он помянул и Бога, и черта, и свою загубленную ментовскую жизнь, и своего вертопраха-сына, и свою зануду-жену, и своих горе-подчиненных. Яна, прикусив от досады губу, слушала поток жалоб и обвинений, направленный непонятно кому, хотя по всему было видно, что ей. Нет, Руденко не ставил ей в вину свой тяжкий жребий, но все же косвенно задевал ее, ибо это она всколыхнула в нем болото эмоциональных нечистот, и он, естественно, будучи недоволен, так или иначе, в силу парадоксальных причин, известных только ему одному, винил ее, поливая ругательствами и жалобами анонимную личность.

– Давай сделаем вот как, – прервала Руденко Милославская, – я подъеду к отделению примерно через полчаса. Съездим вместе, ладно?

– Ну, блин! – издал возглас досады Руденко. – Ты все уже, как вижу, решила.

– Все равно ведь вам придется этим заниматься. Чем быстрее начнешь, тем быстрее закончишь, – с нотой черного юмора подытожила Милославская.

– Черт с тобой, – видимо, Руденко устал спорить. – Только у меня условие.

– Все что угодно...

– У меня тут никакой жратвы нет, – обреченно вздохнул Семен Семенович. – Накормишь меня?

– Как ты можешь сейчас о жратве думать! – изумилась Яна.

– Ты ж сама сто раз говорила, что я крепко на земле стою, – ухмыльнулся Руденко.

– Слишком крепко, Сеня.

Она повесила трубку и стала собираться. Слава Богу, не нужно напяливать на себя гору одежды! Яна влезла в джинсы, надела тонкий кашемировый джемпер и мокасины. Карты сунула в карман джинсов. Подкрасила губы и, приказав Джемме охранять дом, вышла на улицу. Вспаханная земля на участке за неимением дождей высохла до предела и приобрела некрасивый серый цвет. Но зато не было грязи. Асфальт на дороге был покрыт основательным слоем пыли, налетающий ветер поднимал серые клубы, которые оседали на волосах плотной седо-ватой паутиной, в момент превращая их в тусклую паклю. Одежде тоже доставалось. И только свежая молодая листва, клейко блестящая на солнце, радовала глаз яркостью красок. Яна села в маршрутку. Она старалась не думать о том, что ее ждет в квартире Галкиной. Нет, она не была настолько впечатлительной или брезгливой, что падала в обморок при виде трупа. Даже, если он покоился в луже крови и был похож на рваный мешок. И все же ее нервы были достаточно тонки, а чувства – остры, чтобы совсем уж спокойно взирать на подобные зрелища. Руденко – и тот, несмотря на присущий ему цинизм и черствость, являвшиеся следствием длительной работы в органах, порой вздрагивал и наивно удивлялся разным зверствам.

Она не сомневалась, что Женя мертва. Но так же, как Руденко все еще изумлялся и недоумевал по поводу присущей некоторым индивидам жестокости и жажде насилия, так и Яна удивлялась своему дару, хотя он давно стал частью ее самой. Сейчас она готова даже была протестовать против этого ниспосланного ей свыше чутья, как если бы не имей она его, Женя была бы жива. В любом случае у нее, у Яны, была бы возможность сомневаться в плачевном исходе, а не знать со стопроцентной уверенностью, что девушка бездыханна. Часто, правда, картина будущего, вернее, отдельный ее фрагмент, явленный ей в видении, бывал не настолько четок, чтобы она с абсолютной уверенностью могла знать, как сложится ситуация. Иногда про-

исходило нечто, коренным образом менявшее увиденную ею перспективу развития событий, или какая-то деталь, ускользнувшая от нее в видении, со всей присущей реальности силой и глубиной заявляла о себе, переворачивая ситуацию с ног на голову. То есть, несомненно, что порой в этих видениях и предсказаниях будущего присутствовал момент непредвиденности, оставлявший место для опасности и авантюры. Яна сравнивала этот феномен с Божественным провидением, которое, существуя, все же дает возможность человеку выбирать между добром и злом.

У дежурного Яна узнала, что Руденко уже прибыл и вскоре намерен спуститься. Не прошло и пяти минут, как лейтенант появился в сопровождении черноусого сержанта Самойлова. Увидев Яну, Руденко шутливо взял под козырек и кивнул на стоявший у входа «жигуль».

– Поехали, – быстрым шагом он направился к машине, Самойлов последовал за ним.

Яна дернула заднюю дверцу – та оказалась не заперта.

– Вот ведь баба беспокойная, – хмыкнул Руденко, хитро улыбаясь Самойлову и одновременно косясь в зеркальце, чтобы видеть реакцию Яны, усевшейся на заднее сиденье, – ни праздников ей, ни выходных. Знаешь что, госпожа Мирославская, надо бы у тебя конфисковать эти твои карты. Стало бы всем легче жить!

Он расхохотался. Самойлов поддержал его несмелым смешком.

– Или труднее, – не согласилась Яна. – Вижу, ты весь в предвосхищении вкусной и здоровой пищи.

– Звучит зловеще, – снова захохотал Руденко. – Да, ты угадала, я думаю об обещанном тобой обеде. Знаешь что, Яна Борисовна, если мне по поводу каждого трупа содрогаться да слезы лить – никаких нервов не хватит!

– Знаю я это все! – раздраженно отмахнулась Яна, – это уже стало в ваших речах общим местом.

– Но ведь это на самом деле так! – воскликнул Руденко, выезжая на дорогу. – Здесь недалеко.

– Странная история, – Яна закурила. – Я-то не приняла всерьез ее слова. У меня, кстати, есть номер машины, из которой якобы за ней следили, проверишь?

– Конечно, – широко улыбнулся Руденко, настроение которого в корне переменялось, видимо, убийство при упоминании Яной имеющегося у нее номера машины показалось ему легкораскрываемым. – Это уже кое-что. Чем она занималась?

– Работала старшим крупье в казино «Большая игра», – Яна выпустила дым в приоткрытое окно.

– Кому же понадобилось ее убивать? Она что, ворочала деньгами? – с недоумением в глазах спросил Руденко.

– Да какие там деньги! – усмехнулась Яна, – Нет, скорее, причина в чем-то другом.

– Амурные дела? – Руденко нацепил на нос старомодные темные очки – солнце слепило глаза.

– Может быть, – Яна на секунду задумалась. – У нее в квартире все перерыто. И это меня настораживает.

– А ты откуда знаешь? – Руденко тут же замолчал. – Ах да, ты ж видела!

Он произнес последнюю фразу со смесью дружеской иронии и своего обычного недоверия.

– Видела, – многозначительно посмотрела на него Яна, и он несколько смущенно улыбнулся ей в зеркало. – В ее квартире что-то искали. Либо она появилась не вовремя, поэтому и была убита. В таком случае убивать ее никто не собирался. Просто так получилось. Либо вначале ее убили, а потом уже произвели обыск.

– Хорошенькое дельце, – усмехнулся Руденко. – Кому она понадобилась?

– Ты уже спрашивал об этом, – меж черных Яниных бровей тонкой змейкой скользнула морщинка неудовольствия.

– Прошу прощения, – тоном оскорбленного балагура сказал Руденко.

– Не исключено, что Женя знала убийцу и сама впустила его в квартиру, – не обращая внимания на обиженный вид Руденко, продолжала Яна. – После того, как Женя была убита, он стал рыться в ее вещах.

– Может, она что-то задолжала? – высказал робкое предположение лейтенант.

– Может, – с сомнением в голосе ответила Яна.

– А орудие убийства ты случайно не видела?

– Мне кажется, что это латунная ваза – труп лежал с неестественно вывернутой шеей. Не исключено, что убийца свернул шею Жене сам. Тогда можно было бы предположить, что это субъект, обладающий порядочной физической силой.

– И самообладанием, – дополнил молчавший до этого Самойлов.

– Ага, – Руденко свернул направо и, проехав еще сотню метров, въехал в тихий пустынный двор. – Народ на дачах – на огородах. Тишина и мертвые с косами...

Он судорожно усмехнулся.

– Первый подъезд, – деловито сказал он, сделал серьезное лицо, и довольно резко затормозил у покосившейся лавочки.

Яна первой вышла из машины. Заперев дверцы, Руденко присоединился к ней, замыкал шествие Самойлов. Они поднялись на третий этаж.

– Здесь, – Руденко приложил ухо к крашеной деревянной двери, располагавшейся справа от лестницы.

На всякий случай он позвонил. Потом еще и еще. Молчание. Тогда он скомандовал Самойлову:

– Понятых давай!

Сержант затарабанил в дверь напротив. Там никто не отозвался. Тогда он звякнуло в близлежащую квартиру. Минуты через две из-за двери раздался настороженно-глухой женский голос:

– Кто-о-о?

– Милиция. Откройте, мы приехали к вашей соседке.

Дверь приоткрылась на длину цепочки. В тусклом прогале возникло бледное встревоженное лицо пожилой женщины. У нее были плотно, прямо-таки страдальчески сжатые губы и прищуренные глаза.

– Что такое?

– Не бойтесь, мамаша, – бодро рявкнул Руденко. – Будете понятой. Нам нужен еще один человек.

Самойлов позвонил в другую квартиру.

– Да нет их, они на поминках, – дребезжащим голосом сказала женщина, снимая цепочку.

Она закрыла дверь и вышла на площадку.

– А что случилось? – в ее глазах металась тревога.

– Иди-ка найди слесаря, – приказал Руденко Самойлову.

– У них во втором подъезде бендешка, – подсказала женщина, – но сейчас праздник, – она озадаченно пожала плечами. – Можно позвонить дяде Коле домой, у меня телефон...

– Вызовете его, пожалуйста, – попросил Самойлов.

– Ага, – удовлетворенно кивнул Руденко. – А ты, – обратился он к сержанту, – опроси других соседей. Нет, не сейчас, позже. Вдруг она жива, – он покосился на Яну.

Та выразительно вздохнула, мол, твоими бы устами да мед пить.

– Как зовут-то вас? – улыбнулся Руденко женщине, напуганной нестандартной ситуацией.

Она скрылась в квартире минутой раньше, а теперь снова вышла и застыла, сложив руки на груди в молельном жесте.

– Елизавета Петровна, – ответила она, – я позвонила, сказал, что будет. Но, по-моему, он...

Она красноречиво щелкнула двумя пальцами себя по горлу.

– Еще бы! – просиял Руденко, которому зачастую общение с трудовым народом доставляло простодушную радость, – праздник как никак!

– Да они и без праздника всегда того, – неодобрительно усмехнулась Елизавета Петровна. – Что же все-таки случилось?

– Вы когда свою соседку в последний раз видели? – спросил Руденко.

– Дня три назад, – пожала плечами женщина. – Я вообще-то не очень с ней знакома. Они молодые, у них свои интересы, приятели...

– У кого это у них? – встрепенулся Руденко.

– Кавалер у нее, симпатичный парень. Да и она симпатичная. Нет, вы не подумайте, у них все прилично вроде, не скандалили, не ругались. Хотя она и в казино работает, по-моему, девушка самостоятельная. Вы в чем-то ее подозреваете? – с дрожью в голосе спросила она.

– Нет, – отмахнулся Руденко, – не в этом дело. Так вы говорите, парень у нее есть. Интересно-о-о... И как давно?

– Да полгода – это уж точно! Может, она и раньше знакома с ним была, только появляться он тут стал примерно с полгода назад, – уверенно произнесла Елизавета Петровна. – Вроде, серьезно все у них. Он за ней на машине приезжает.

– На какой? – с профессиональным интересом спросил Руденко.

– На не нашей какой-то, иностранной, – с горделивым восхищением простолюдинки пояснила она, – синей такой. Ой, не знаю, как называется, но, видать, дорогая.

– Понятно, – Руденко пригладил для солидности свои шикарные пшеничные усы, словно этот неторопливо-обстоятельный жест служил вехой в расспросах, – что вы о нем знаете?

– Ну, богатый он, – приподняла свои округлые рыхлые плечи женщина, – это по всему видать. Цветы дарит – я раза три его с розами видела. И со свертками... Подарки, наверное. Повезло Женьке, что и говорить!

Несмотря на оптимистически жизнеутверждающий характер фразы, она с какой-то мучительной нерешительностью посмотрела на лейтенанта, словно чуя неладное и таким образом подозревая, что слова ее уже неактуальны.

– А еще что? – интересовался Руденко. – Где работает, например?

– Этого я не знаю, не спрашивала. Я же вам сказала, что не так уж часто обща...

– Хорошо, – бесцеремонно перебил ее лейтенант, – а его вы когда в последний раз видели?

– Ну-у, – задумалась Елизавета Петровна, – дней пять или неделю. Точно не помню. Он какой-то хмурый, недовольный шел. Я уж думала, что у них нелады. Но потом в окно видела, как они вышли, сели в его машину и куда-то поехали. Они весело смеялись, разговаривали. Так что, ничего не изменилось.

Этажом выше громыхнула стальная дверь и следом послышались быстрые шаги. Кто-то спускался с лестницы. Спускался и насвистывал «Жизнь в розовом свете». Все замерли в ожидании субъекта, имевшего, по-видимому, прекрасное настроение, и только на губах Елизаветы Петровны зазмеилась ехидная усмешечка. Она знала, кто это. Очам людей, собравшихся в ожидании мастеровитого и поддатого дяди Коли, предстал одетый во все бежевое, еще довольно стройный дядечка средних лет с несколько одутловатым, покрытым паутиной морщин лицом, но полный зажигательного оптимизма и молодцеватой грации. В нем чувствовалась порода. Жидкие светлые волосы, открывавшие высокий, с плешью лоб, находящиеся в лирическом беспорядке, отнюдь не производили впечатления чего-то неопрятно-вздохмачен-

ного и неухоженного. Узкий разрез глаз придавал его взгляду цепкую внимательность и некое смирение, присущее выражению глаз умудренного опытом человека. И только губы, с опущенными уголками, чувственные, хотя и не полные, налагали на его лицо печать какого-то брезгливого неприятия.

– Что здесь происходит? – с жеманным недоумением воззрелся на Елизавету Петровну щеголь.

– Да вот, соседкой моей интересуются, – махнула она рукой на Женину дверь.

– Вот как? – удивился дядечка. – По какому вопросу?

– Пока не знаю, – вздохнула Екатерина Петровна.

– А вы, гражданин, не могли бы оказать нам помощь? – выказал чудеса обходительности Руденко.

– Да-да, – изящно наклонил голову немного вперед дядечка, – Лев Сигизмундович Браницкий, – с горделивым достоинством представился он.

– Нам нужен еще один понятой, – продолжал Руденко в то время, как Браницкий заинтересованно пялился на Яну.

– Понятой? – приподнял свои сероватые округлые брови Лев Сигизмундович. – Что случилось?

– У нас есть подозрение, что Евгения Галкина мертва, – ляпнул лейтенант.

– Мертва-а?! – воскликнул Браницкий.

– Ужас! – обмерла Елизавета Петровна.

Внизу послышались медленные тяжелые шаги, Все стали напряженно вслушиваться.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – горько усмехнулся Браницкий, прерывая мгновенную паузу и многозначительно качая головой. – Как же это случилось?

– Лев... – замялся Руденко, припоминая витиеватое отчество щеголя.

– Сигизмундович, – подсказал Браницкий, чуть сморщив породистый польско-еврейский нос.

– Мы еще толком ничего не знаем. А-а, вот, наверное, и дядя Коля, – Руденко улыбнулся поднимавшемуся нетвердой походкой мужчине. – Сейчас все окончательно выяснится. Вы будете понятым? – снова обратился он к Браницкому.

– Да-да, – с ответственным видом произнес тот, – о чем речь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дядя Коля, поджарый мужик с пропитым лицом, ограничился скептическим взглядом. Потом, почесав в грязном затылке, спросил, лениво растягивая слова:

– Чего на-до, ше-еф?

Он поднял мутный взор на горящего от нетерпения Руденко.

– Дверь взломать, – коротко сказал тот, – можешь?

Дядя Коля, которому алкогольный кайф придавал повадки флегматичного скептика, пожал плечами, мол, а как же, конечно, могу, и принялся за дело. Неторопливо, спокойно, обстоятельно. Просьба Руденко не вызвала в нем ни удивления, ни протеста, ни даже сколько-нибудь явного интереса. Может быть, он и хотел бы выполнить работу как можно скорее, чтобы от него отвязались, но был под градусом, а потому трудился, как при замедленной съемке. Когда дверь подалась, Руденко, не поблагодарив его, двинул в квартиру. Потом, словно вспомнив о Самойлове, Яне, понятых, о лежавшем на нем грузе ответственности, громыхнул своим звучным баритоном:

– Ничего не трогать, сохранять спокойствие!

Уже в прихожей у него была возможность убедиться в Яниной правоте – кругом царил вопиющий беспорядок.

– Боже мой, боже мой, – испуганно и удрученно приговаривал Браницкий, прикрывая то и дело рот ладонью.

– Господи! – вторила ему потрясенная открывшейся ей картиной разгрома Елизавета Петровна, с опасливой осторожностью переступавшая через горы выброшенной на пол одежды.

Яна прошла в спальню. Постель тоже была распотрошена. Простыни и подушки валялись на полу, матрас был нещадно изрезан.

– Черт! – заорал из кухни Руденко.

Все сбежались на его крик. Самойлов тупо смотрел на лежащее в неестественной позе тело.

– Нет, не ваза, а сковородка, – присевший на корточки Руденко взял через полотенце чугунную сковороду. – Ручка вон аж куда отлетела, – показал он под раковину.

Действительно, отлетевшая ручка подобно городошной бите прошла по ряду пивных бутылок и банок, несколько из которых разлетелись вдребезги.

– Ой! – вскрикнула Елизавета Петровна, едва не шмякнувшись в обморок. К счастью, ее вовремя подхватил Самойлов.

– Уведи ее! – раздраженно бросил ему Руденко.

Сержант поволок ошарашенную женщину в гостиную.

– Вот так та-ак, – Браницкий стоял над трупом бледный, как полотно, но старался не показывать вида, что волнуется. – Кто же это ее?

– Мы бы тоже хотели это знать, – грубо ответил Руденко. – Ну, где ты там? – крикнул он Самойлову. – Иди, ты мне нужен. Надо вызвать экспертов. Ничего не трогать, еще раз говорю.

Он грозно посмотрел на Браницкого и взялся за рацию. Лев Сигизмундович удалился в гостиную, где на диване полулежала, глубоко откинувшись в подушки, Елизавета Петровна. Яна последовала за Браницким. Вскоре к ним присоединился и Руденко. Он по-хозяйски поднял опрокинутый стул, уселся на него и, окинув комнату цепким, все примечаящим взглядом, обратился ко Льву Сигизмундовичу.

– Вы что-нибудь можете сказать о Галкиной?

Чувствуя в Руденко если и не противника, то натуру, во всем противоположную ему, Браницкий нахохлился, заложил ногу на ногу и, сделав непрístupный вид, закурил.

– Да, могу. Женя была приятной девушкой.

– То есть? – потребовал уточнений Руденко, распознав в Браницком женственно-нездоровую натуру творческого работника.

Для него, милиционера, любая богема, богатая, нищая, творческая или играющая в творчество, была подозрительна, паразитарна, враждебна интересам трудового класса. Лейтенант не догадывался, что подобный взгляд на вещи он унаследовал от бывшего строя. В силу присущей ему наивности и простоты он полностью отождествлял себя с таким подходом, не удосуживаясь сделать критический разбор своим суждениям.

– Отзывчивая, душевно щедрая, хотя и вспылчивая. Но это в ней говорила ее гордая натура, она не терпела неуважения со стороны пусть даже любимого человека! – торжественно изрек Браницкий.

Здесь Руденко продемонстрировал свою толстокожесть. Он тупо воззрился на Льва Сигизмундовича, ни одним мускулом не выдавая впечатления от услышанного панегирика и таким образом пробудив в Браницком наряду с досадой сладострастно-горькое чувство своей отъединенности от подобных грубых натур. Ибо такое высокое одиночество и приятно, и тяжело, оно задевает тщеславные струны души человека, но в то же время уводит его все дальше от шумной канители жизни, делая ипохондриком и меланхоликом. И только воинственный дух несогласия с прозой бытия, которой подчиняются низкие сердца, заставляет иных предпочесть гордой самоизоляции свободный поединок с пошлыми людишками. Вот о чем думал Браницкий, вертя в воздухе носком своей бежевой туфли.

– Вы хотите сказать, что у нее были конфликты с ее другом?

– Это неизбежно, – философским тоном заявил Браницкий. – Он не стоил ее.

– Ну уж это как сказать, – ожила Елизавета Петровна, – они были прекрасной парой.

У нее на глаза навернулись слезы.

– Ха-ха, – манерно рассмеялся Браницкий, – вы близоруки, Елизавета Петровна. Извините, что говорю вам это. Вы не видели внутренних баталий, так сказать. За фасадом счастливого союза вы проглядели трагедию душ, – высокопарно выразился он.

– Какую трагедию? – с пренебрежительным недоверием полюбопытствовал Руденко.

– А вот вы все время молчите, – сдержанно улыбнулся Браницкий Яне, явно симпатизируя ей. – Что вы на это скажете?

– Я не настолько хорошо знала девушку, чтобы судить, кто прав, – ответила Яна.

– Этот мафиози не мог дать Жене ничего хорошего, – скептически поджал губы Браницкий.

– Мафиози? – заинтересовался Руденко.

– Итальянский, – таинственно улыбнулся Лев Сигизмундович. – Он похож на итальянского мафиози, уверяю вас. Вы случайно не находили здесь его фото? – обратился он ироничный взгляд к лейтенанту.

– Не успел, мы же с вами вместе вошли, – буркнул Руденко, – К тому же тут, чувствую, полным-полно отпечатков. Фото подождет. Когда вы видели Галкину в последний раз?

Руденко приклеил ко Льву Сигизмундовичу наэлектризованный недоверием взгляд.

– Дня два назад видел, как она входила в подъезд. Наверное, у нее был выходной, – с беззаботно-манерным видом сказал Браницкий.

– Каков был характер ваших отношений? – в неожиданно резкой манере спросил Руденко.

– Соседский, ну, может быть, дружеский, – снисходительно улыбнулся Браницкий, – иногда мы вместе пили чай, перебрасывались парой-другой слов. Я, видите ли, литературный критик. Люблю поговорить на общие темы, а Женя кончила филфак, причем с хорошими оценками. У нас были темы для общения.

Браницкий кашлянул для солидности.

– Поня-атно, – мрачно процедил Руденко, словно тот факт, что у Галкиной и Браницкого находились общие темы для разговора, в чем-то изобличали последнего. – И она делилась с вами своими проблемами?

– Да, представьте себе. Она говорила об охлаждении со стороны своего кавалера, Антона. Она переживала.

– И когда началось это охлаждение? – не отрывал от него напряженного взгляда Руденко.

– Да что-то около месяца назад, – трагически вздохнул Браницкий. – По крайней мере она в первый раз призналась мне в этом.

– Она не говорила, чем это было вызвано?

– Нет, она сама не знала, – грустно улыбнулся Браницкий. – Такое бывает в любви. Если вы хотите услышать мое мнение, то я думаю, что это не что иное, как сдергивание маски. Этот мафиози просто использовал ее. Понятное дело, она ему надоела. Прискучила.

– Она вам не говорила, где он работает?

– Да нигде – ведет праздный образ жизни, – презрительно хмыкнул Браницкий. – Нет, я понимаю, когда поэт, художник, натура творческая ищет применения своим силам и не находит в нашей пошлой действительности, но этот... – он сделал кислую мину, – просто ничего не делает и все. Папа у него – шишка, держатель казино. В этом казино и работала Женья.

– Интересно! – встрепенулся Руденко.

– Да, – нервно дрыгнул ногой Браницкий. – Этот тип – настоящий паразит. Беда Жени состояла в том, что она слишком доверяла ему, в том, что она вообще видела в людях только хорошее. И была обманута! – с артистическим надрывом завершил он.

– Как вы думаете, что могли искать у Жени? – вмешалась Яна и тут же поймала на себе неодобрительный взгляд Руденко, как бы говоривший: кто тут хозяин положения?

– А кто его знает? – передернул плечами Браницкий. – Ума не приложу.

– Так, – заговорил лейтенант менторским тоном, явно стараясь привлечь к себе внимание присутствующих, – искали какой-то небольшой предмет, размером... размером... – он огляделся по сторонам, ища подходящее сравнение, – с пачку сигарет, – утвердительно произнес он. – И, прошу обратить внимание, – он показал на шкатулку с драгоценностями, которая лежала у всех на виду, – преступника или преступников не интересовали деньги, во всяком случае, их эквивалент.

«Господи, – вздохнула про себя Милославская, – это ж надо, какими словами разбрасывается!»

Руденко заметил ее реакцию, но истолковал ее как похвалу и удовлетворенно усмехнулся в усы.

– Далее, – продолжил он свои сентенции, окрыленный успехом, – чтобы обыскать все эти помещения и перевернуть здесь все вверх дном, нужно определенное количество времени. Полагаю, преступники пробыли здесь как минимум час, а может, и больше. Самойлов, – он взглянул на сержанта, который со скучающим видом глядел в окно, – чего сидеть? Работать нужно. Бери бумагу, пиши протокол осмотра места происшествия. Сегодня как никак праздник, нужно домой попасть к вечеру, а не ночью. Сейчас приедут криминалисты, а у нас здесь конь не валялся!

– Сейчас, сделаем, – Самойлов поднялся и поплелся на кухню.

– Вам придется немного подождать, – Руденко с важным видом зыркнул на соседей, – будете подписывать протокол.

– Семен Семенович, – Яна поднялась со своего места, – я пока посмотрю спальню, хорошо?

Руденко чуть помолчал, удивленно всматриваясь в глаза Милославской, словно старался высосать из них ответ на вопрос: чего ей понадобилось в спальне? Не найдя ответа и серьезных оснований для отказа, кивнул.

- Только смотри там, руками...
- Я осторожно, – улыбнулась Яна.

Ей действительно пришлось идти очень внимательно, чтобы не наступить на разбросанные по квартире вещи. Руками она тоже ничего не задевала, пока не вошла в спальню. Большая двуспальная кровать, втиснутая между двумя тумбочками, больше походила на поле битвы. Видимо, искали что-то такое, что можно было спрятать между пружинами матраца или в другом тайном месте. Не похоже было, что те, кто здесь устроили этот бедлам, нашли то, зачем приходили. Такой вывод Яна сделала из того, что во всей квартире не осталось ни одного не тронутого кусочка, ни одной вещи, не сдвинутой со своего места. Значит, это что-то все еще здесь? Она пока не стала искать ответа на этот вопрос, оставив его на потом. Ей захотелось представить себе картину произошедшего.

Судя по тому, что убили Женю Галкину первым подвернувшимся под руку предметом, а именно – сковородой, – можно было предположить, что она появилась перед преступником неожиданно. Но почему, увидев беспорядок в прихожей, она не вызвала сразу милицию, а вошла в квартиру и конкретно – на кухню? Милославская находила этому по крайней мере два объяснения: либо она все время, пока длился обыск, находилась дома, что не слишком-то логично, потому как на теле, насколько заметила это Яна, не было следов пыток или побоев, либо, что более вероятно, она просто подумала, что в квартире уже никого нет. И притаившийся грабитель ударил ее сковородой, когда она вошла на кухню. Эта версия нравилась Милославской гораздо больше и, не придумав пока ничего другого, она на ней и остановилась.

Из гостиной доносились голоса понятых, которые перекрывал сильный баритон Руденко, а затем присоединились и другие голоса, какие-то отстраненно-профессиональные. «Наверно, криминалисты прибыли», – решила Милославская, опускаясь на маленький пуфик, стоявший рядом с кроватью. Конечно, было бы интересно послушать, что скажут эксперты, но Яна почему-то решила задержаться в спальне, как-будто именно тут была спрятана разгадка гибели Жени Галкиной. Она положила руку на кровать, зная, что на материи отпечатки пальцев не остаются, и провела ладонью туда-сюда, ощущая шелковистость матраца. Как-то сама собой у нее появилась мысль, что можно поработать с картами.

Достав колоду из заднего кармана джинсов, она смешала карты и, найдя нужную, которую называла «Взгляд сквозь оболочку», опустила на нее ладонь.

Сразу же отозвавшись теплом, карта «заработала». Яна смотрела на растерзанную кровать, которая вдруг стала принимать правильные очертания и, наконец, ритмично закачалась. Милославская даже испугалась, увидев на постели обнаженные тела, которые извивались в любовном экстазе. Девушку, которая лежала на спине с широко раскинутыми ногами, она узнала сразу – это, без сомнения, была Женя Галкина. Глаза ее были закрыты, голова – повернута немного в сторону, но на лице читалось если и не отвращение, то, во всяком случае, просто безразличие. Лица мужчины, лежащего сверху и старательно сопящего в такт резким движениям своего таза, видно не было. Яне, подчиняющейся природной стыдливости, захотелось закрыть глаза, чтобы не видеть происходящего, но сделать этого ей не удалось – «живая картинка» стояла перед ее внутренним взором. Тогда женское любопытство взяло верх, и она все же решила рассмотреть мужчину. Она отвлеклась от происходящего действия и глядела на мужчину, как на объект в анатомическом театре: довольно сильное, мускулистое тело с излишками жирка на талии, аккуратно подстриженные каштановые волосы, слегка тронутые сединой, мощная мясистая шея с морщинами, которую слегка прикрывала Женина рука. На спине у мужчины, под правой лопаткой темнела крупная родинка. Яна ждала, что он наконец повернет голову, и она сможет увидеть его лицо, но этого не произошло. Видение исчезло так же быстро, как и появилось, оставив после себя чувство нереальности.

Почувствовав усталость, Милославская глубоко вздохнула и открыла глаза. Спрятав «остывшую» карту среди других, она сунула колоду в карман и достала из другого кармана

сигареты. Несколько мгновений она курила, позволяя своим мыслям свободно клубиться подобно сигаретному дыму, потом попыталась осознать, что же в конце концов ей удалось увидеть? Единственное, что приходило в голову сразу же – мужчина в постели Галкиной не так уж молод, чтобы быть ее парнем. Может, молодой «безработный», о котором говорили соседи Галкиной, просто так старо выглядит? Нет, – она тут же отвергла это предположение, – просто это другой человек, человек, которому никак не меньше сорока лет, – уверенно определила Милославская. Она посмотрела по сторонам, нашла обрывок газеты, из которого сделала маленький пакетик и стряхнула в него пепел с сигареты.

«Кто же это тогда? – продолжала сама с собой размышлять Яна. – Уж не этот ли молодой сосед, играющий роль этакого бонвивана?»

Но и это предположение пришлось отбросить как несостоятельное, потому как тонкие, взлохмаченные волосики «бонвивана», никак не хотели складываться в аккуратную прическу, да еще и с проседью. «Это точно не он, – Яна выпустила струю дыма в потолок, – но исключать того, что дядечка искал с Галкиной не только светских бесед, тоже нельзя».

Милославская сунула окурок в пакетик и, открыв форточку, выбросила его на улицу. Постояв немного у окна, через которое солнце лило в спальню мягкое неназойливое тепло, она снова вышла в гостиную. Она увидела, что за столом сидит сержант Самойлов, высунув от напряжения и усердия кончик языка, и старательно выводит буквы на листе бумаги. Руденко стоял рядом, заглядывая ему через плечо и диктовал то, что отвечали на его вопросы понятые, они же и свидетели. То есть, попросту говоря, переводил с разговорно-бытового языка на казенно-формальный. При этом фразы у него получались настолько неуклюжими и какими-то скукоженными, что ему, чтобы не забыть удачную формулировку, приходилось по нескольку раз их повторять. Да и сержант, как видно, не владел стенографией в той мере, чтобы с лету записать мысль начальника.

– Я, пожалуй, пойду, – Яна переступила через кучу постельного белья. – Мне нужно кое о чем поразмышлять.

– То есть как это ты пойдешь? – вылупился на нее от негодования Руденко. – Сама эту кашу заварила, а теперь – в кусты?!

– Ну не я же ее убила, Семен Семеныч, – грустно произнесла Милославская. – Мое дело маленькое – я органы в твоём лице, товарищ Руденко, в известность поставила. Органы что-то еще хотят от меня?

– Ты пиши, пиши, – Руденко прикрикнул на Самойлова, который отложил ручку в сторону и не без интереса наблюдал за происходящим. – А вы, гражданочка, пройдемте со мной, – зыркнул он на Милославскую и направился к выходу.

Яне ничего не оставалось делать, как пойти следом.

– Слушай сюда, Яна Борисовна, – сказал лейтенант, когда Милославская вышла на лестничную площадку, где кроме Руденко никого не было, – ты, наверно, думаешь, что сделала мне большое одолжение, что подсунула жмурика да еще и на Первое мая, да?

Сперва Яне показалось, что он шутит, но лейтенант был серьезен, как бывают серьезные только не очень умные люди, и она поняла – шутки на сегодня закончились.

– Ты хотя бы понимаешь, – продолжал катить на нее бочку лейтенант, – чем все это может кончиться?

– Ну и чем? – мягко улыбнувшись, спросила Яна.

– Тем, – огрызнулся лейтенант, – что я останусь при своих двух звездах, вместо трех, на которые мне намекали.

– Да я-то тут при чем, Сеня?

– Как, то есть, при чем, – передразнил ее Руденко, – а кто меня вытащил сюда, кто сказал, что труп в квартире, кто, в конце-концов, заставил меня дверь выламывать?

– Я, что ли? – недоумевающе посмотрела на него Милославская.

– А кто же? – немного смягчившись, Три Семерки закурил. – А теперь собираешься меня оставить.

– Так ведь это твое дело, – Яна все еще не понимала, чего от нее хочет Руденко, – и рано или поздно, тебе все равно бы пришлось им заниматься. Или ты считаешь, нужно было подождать, пока труп начнет разлагаться, и соскребать его с пола лопатой?

– Ну, это ты загнула, Яна Борисовна, – лейтенант понял, что перегнул палку, но пока не сдавался. – Мне ведь что нужно решить, – пуская клубами дым рассуждал он, – как сказать начальству?

– Ну так и скажи, мол, труп в квартире по такому-то адресу.

– А я как оказался по этому адресу? – усмехнулся Руденко, – Мне ведь рапорт поставлять надо. Не могу же я написать, что мне было видение, мать твою! Да меня за такое последних звезд лишат к чертовой матери!

– Не лишат, Семен, – чуть не рассмеялась Милославская, услышав причину его переживаний. – Мы с тобой что-нибудь придумаем. Тебе когда нужно рапорт сдавать?

– Ну, как, то есть, когда? – Три Семерки почесал затылок. – Сегодня – первое, красный день календаря, между прочим, – намекнул он, – завтра – второе, значит, послезавтра.

– Да у тебя еще времени – вагон и маленькая тележка, – успокоила его Яна. – Давай сделаем вот что. Ты здесь закончишь сегодня и подтягивайся ко мне. Там все и обсудим. А заодно я что-нибудь вкусенькое приготовлю на праздник.

– Точно? – лейтенант прищурил глаза и провел ладонью по усам, словно уже стирал с них хлебные крошки или капли жира.

– Точнее не бывает, – Яна хлопнула Руденко по плечу и пошла вниз по лестнице.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Казино «Большая игра» располагалось в самом сердце города. Это было дорогое, престижное заведение, оборудованное с учетом западных стандартов. Витрины были оформлены со вкусом, броско, но не аляписто. Кроме собственно игральных залов, разделенных высокими изящными арками, здесь были еще бильярдные, бар и ресторан. Затянутые имбирно-бежевым атласом стены создавали ощущение несказанного уюта и легкости. Поздоровавшись со швейцаром и миновав закрытый гардероб, Яна вошла в первый зал. Не останавливаясь у бара, она пролетела дальше – прямо к игровому столу. Здесь отправляла игру наряженная в белую блузку и ярко-красную жилетку девушка-крупье. За столом в ленивых позах восседали три шкафо-подобных братка, помятые лица которых наводили на мысль, что они здесь околачиваются со вчерашнего вечера. Они подняли на Яну осоловелые рассеянные взгляды, уравнивающие ее с предметами обстановки.

– Добрый день, – поздоровалась Яна, когда девушка объявила о результате очередного кона, и все трое игроков сделали кислые мины. – С кем я могу поговорить о Жене Галкиной?

Девушка с удивлением посмотрела на Яну.

– Она не вышла вчера на работу. Дома ее нет, – пожалала она плечами, – никто не знает, где ее искать.

– Вот именно об этом я и хотела поговорить, – слабо улыбнулась Яна.

– Пройдите прямо, вон из второго зала дверь ведет в коридор. Выйдете и увидите дверь справа. Это комната крупье. Там девчонки...

– Спасибо! – Яна пошла в указанном направлении.

– А вы кто ей будете? – бросила вдогонку крупье.

– Знакомая, – на ходу ответила Яна, выбегая в коридор.

Она постучалась в обитую светлым деревом дверь. Не дождавшись ответа, потянула за латунную ручку. И очутилась в просторной комнате, две стены которой были заставлены шкафами, у другой, под закрытыми жалюзи окнами стоял длинный кожаный диван, а в центре поместился журнальный столик и пара широких кресел с округлыми спинками. На них сидели две одетые в форменные блузки и жилетки девушки и весело о чем-то болтали. При этом они затягивались сигаретами, стряхивая пепел в большую темную пепельницу из небьющегося стекла, стоящую на столике. На коленях у одной девицы лежал раскрытый журнал с красочными страницами. Яна заметила небольшую дверь, расположенную меж шкафами. Она поздоровалась, девушки ответили заторможенно-робким «здрасьте».

– Я пришла поговорить о Жене Галкиной. С ней случилось несчастье.

– Проходите, – пригласила ее блондинка, на лице которой замерло настороженное выражение.

Яна поблагодарила и села на диван.

– Женю нашли сегодня мертвой в ее квартире.

Не успела она договорить, как обе девушки издали испуганные возгласы.

– Вы из милиции? – спросила брюнетка.

– Нет, я веду частное расследование. Незадолго до смерти Женя обратилась ко мне. Ей казалось, что за ней следят. Когда вы видели ее в последний раз?

Девушки быстро и озадаченно переглянулись.

– В воскресенье, – сказала брюнетка, – она ушла раньше. Она торопилась, сказала, что у нее назначена встреча.

– Дома? – уточнила Яна.

– Она не сказала, – вздохнула брюнетка, – просто ей позвонили.

Яна заметила на стене миниатюрный настенный аппарат.

– У нас параллельный телефон, – пояснила блондинка, перехватив Янин взгляд, – один аппарат здесь, другой – у Галкиной в кабинете.

– Там ее кабинет? – кивнула Яна на дверь меж шкафов.

– Да, она ведь была старшим крупье, – ответила блондинка.

– Вам ничего не показалось странным в ее поведении в воскресенье. Может, она говорила что-то особенное, была возбуждена?

– Немного, – печально улыбнулась брюнетка, – мне кажется, ей звонил мужчина. У нее глаза блестели, это я точно помню.

– На какое время у нее была запланирована встреча?

– Не знаю, – брюнетка достала сигарету из пачки и крутила ее между пальцами, – но ушла она где-то около четырех.

– А Антон к ней в тот день не заходил? – Яна достала сигареты.

– Вам и об этом известно? – неловко улыбнулась блондинка.

– С некоторых пор поговаривали, что они больше не встречаются, – с тоскливой интонацией добавила брюнетка и, загасив сигарету в пепельнице, пододвинула ее Яне.

Та закурила, держа пепельницу в руках.

– А вы не знаете причину размолвки?

Девушки как по команде пожали плечами.

– Галкина всегда держалась немного особняком, – сказала блондинка, – так что...

– Понятно, – кивнула Мирославская и повернулась в сторону брюнетки. – Вы тоже не знаете?

– Нет, – та кинула взгляд на подругу и уткнула его в пол.

– Ладно, спасибо, – Яна бросила окурочек в пепельницу и поставила ее обратно на стол, – значит, – ей все-таки удалось перехватить взгляд блондинки, – Женя была не слишком-то общительна?

– Не то чтобы не общительна, – она выпятила ярко накрашенные губы, – просто, держалась ото всех на расстоянии.

– Может, у нее были на это причины?

– Вы имеете в виду, – пренебрежительно передернула плечами блондинка, – ее университетское образование? Так здесь не она одна такая.

– А кто еще?

– Да хоть Томка Карпунина, – она снова посмотрела на подругу, – она в баре работает.

Мирославская вышла за дверь и, пройдя коридором, оказалась в зале. Оглядевшись, она направилась в бар, который оказался в конце дальнего зала. За стойкой в одиночестве скучала миловидная барменша, на бэйдже у которой Мирославская прочла ее имя и фамилию.

– Что-то, Тамара, не густо у вас сегодня с посетителями, – улыбнулась Мирославская.

– К вечеру начнут подтягиваться, – в ответ ей улыбнулась Карпунина. – Вам что-нибудь налить?

– Красное вино, – кивнула Мирославская, устраиваясь на банкетке.

– Сухое, сладкое? – поинтересовалась барменша. – Есть хорошее грузинское.

– Можно, – согласилась Яна. – Вообще-то, я хотела у вас кое-что спросить о Жене Галкиной.

– Я уже давно ее не видела.

– Ее убили примерно два дня назад.

Тамара как раз наливала вино в бокал, когда Яна произнесла эту фразу, да так и застыла, как замороженная. Вино потекло через край бокала.

– Черт, – опомнилась Карпунина, и принялась вытирать стойку, – что вы такое говорите?

– У нее был приятель – Антон, – не ответив на ее вопрос, продолжала Мирославская. – Вы его знаете?

- Сынок нашего хозяина, – пододвинув бокал Яне, – ответила Тамара.
- Кажется, вы о нем не слишком высокого мнения?
- Кого интересует мое мнение? Я всего лишь бармен.
- Бармен с высшим образованием, – Яна сделала несколько глотков, – хорошее вино. Так что вы думаете об Антоне?
- Образование сейчас не очень-то помогает устроиться, – с горечью в голосе произнесла Тамара, – а насчет Антона... Умный парень, но работать не слишком-то любит. Да и зачем работать, если папаша снабжает деньгами, кормит и одевает?
- У них с отцом хорошие отношения?
- Наверное, раз он ни в чем ему не отказывает, – Карпунина на секунду задумалась, – хотя, как-то я слышала, что они разговаривали на повышенных тонах. Я проходила по коридору мимо кабинета Засурского...
- Мимо чьего кабинета?
- Ну, Якова Засурского – папаши Антона Засурского. Вы что, не знаете?
- Знаю, знаю, – смущенно улыбнулась Мирославская и допила вино, – и что же вы услышали?
- Ничего конкретного, – покачала головой Тамара, – просто... Ну, мне показалось, что они ругаются из-за чего-то.
- А из-за чего именно, не поняли?
- Нет. Я просто проходила мимо, а не стояла под дверью, – пояснила Тамара. – Так кто же все-таки убил Женьку?
- Это как раз я и выясняю.
- Вы думаете, это Антон?
- Не могу судить, так как еще не встречалась с ним. А вы считаете, что он способен на убийство?
- Не зна-аю, – протянула Карпунина.
- Ну, а все-таки? – настойчиво спросила Мирославская.
- Наверно, мог бы, – после долгой паузы ответила Тамара.
- Два дня назад, в воскресенье, была ваша смена?
- Моя.
- В тот день вы видели Галкину, разговаривали с ней?
- Она подходила пару раз, выпить сока, ну, мы перекинулись несколькими фразами. Так, ничего существенного.
- В этот день она должна была с кем-то встретиться. Вы не знаете с кем?
- С Антоном, наверно, с кем же еще?
- У нее больше не было поклонников?
- Ну почему? – усмехнулась Карпунина, – к ней многие клинья подбивали, но, по-моему, ни с кем ничего серьезного у нее не было.
- А в тот день, перед уходом, какое у нее было настроение?
- Обычное, – Тамара слегка наморщила лоб, – хотя... мне кажется, перед самым уходом она была как-то возбуждена. Может, мне просто показалось.
- Ну, ладно, спасибо вам, – Яна оставила на стойке деньги за вино и свою визитную карточку. – Если вспомните, что-нибудь еще – позвоните мне.
- Экстрасенс? – Карпунина подняла глаза от карточки и с удивлением посмотрела на Мирославскую. – А я думала, вы из милиции.
- Нет, – усмехнулась Яна, – но милиция в лице лейтенанта Руденко, я уверена, еще посетит вас с расспросами.

* * *

Выйдя из казино, Милославская решила немного прогуляться, но тут вспомнила об обещанном лейтенанту праздничном столе. Ей пришлось заглянуть в ближайший супермаркет, где она купила свежих фруктов и консервированных салатов, потому как заниматься их приготовлением сейчас не было никакого желания. Вдобавок она прихватила большую курицу, чтобы запечь ее в духовке. Такой стол не отнимет много времени, – подумала она, – а выглядеть будет на все сто. Семеныч не будет разочарован.

Собственно, Яна пригласила к себе лейтенанта не для того, чтобы потчевать его разносолами или советовать, как ему отчитываться перед начальством, хотя и для этого тоже. У нее была вполне определенная задняя, так сказать, мысль – разузнать побольше об обстоятельствах гибели Жени Галкиной.

Вернувшись домой на такси с двумя большими пакетами, она первым делом закинула в духовку курицу, быстренько открыла консервные банки, разложив их содержимое в вазочки, вымыла фрукты и поставила все это на стол в гостиной. «Сойдет», – она критическим взглядом окинула то, что у нее получилось и опустила в кресло с удовлетворенным выражением на лице.

* * *

Руденко явился около восьми вечера. Он устало ввалился в прихожую, гремя бутылками в пластиковом пакете. Обдав Яну запахом пота и сигарет, он прошел в гостиную и устало плюхнулся в кресло перед столом. Яна выставила на стол полуостывшую к тому времени курицу и устроилась напротив.

– Богато, богато, – похвалил лейтенант угощение и выставил из пакета две бутылки семьсот семьдесят седьмого портвейна.

Сослуживцы за его пристрастие к этому напитку между собой называли его Три Семерки. У Яны оставалось еще полбутылки коньяка и она плеснула себе немного в большую пузатую рюмку. Руденко откупорил портвейн и наполнил большой фужер до краев.

– Ну, с праздничком, – чокнувшись, он осушил его до самого дна, закусил маринованным огурчиком и с жадностью набросился на салаты.

– Может, сначала курицу разделаешь? – с усмешкой спросила Яна, глотнув немного коньяка.

– Благодаря тебе, – с набитым ртом произнес Руденко, – я сегодня весь день на двух пирожках.

– Вот и поешь как следует, – Яна пододвинула ему блюдо с курицей.

Руденко засучил рукава, взял нож и ловко разделил румяную птицу на несколько частей. Он ел, обильно запивая пищу портвейном и вытирая пышные усы салфеткой. Они выпили еще за День солидарности, за труд, черт бы его побрал, за здоровье – куда же без него? – за мир во всем мире и за что-то еще. И только когда Семен Семеныч насытился и развалился в кресле с сигаретой в зубах и блаженным лицом, Милославская принялась за расспросы.

– Ну что, Семеныч, какие новости? – как бы между прочим поинтересовалась она.

– А-а, – пьяно махнул он рукой, – пока не слишком много.

– А все-таки? – Милославская тоже закурила.

– Ладно уж, скажу, – хитро посмотрел на нее Руденко, словно говоря, что он понимает, чем обязан такому столу, – врач говорит, что смерть наступила примерно сорок восемь часов назад, точнее можно будет сказать после вскрытия. Скорее всего, смерть наступила от перелома шейных позвонков, почти мгновенно, но жертву ударили еще раз, когда она уже была мертва.

Орудием убийства явилась, опять же предположительно, – уточнил он, – тяжелая чугунная сковорода, на которой остались частички крови, кожи и волос. Да, – добавил Руденко, – в квартире, как я и думал, полно отпечатков пальцев. Мы прогнали через компьютер – ничего – в нашей картотеке не числятся.

– Что это значит? – поинтересовалась Милославская.

– Это значит, – словно читая лекцию, продолжил Три Семерки, – что убийца никогда не привлекался к уголовной ответственности. Кстати, – заметил он, подняв указательный палец, – основная часть отпечатков, кроме отпечатков Галкиной, разумеется, принадлежит одному человеку. Из этого можно предположить, что убийца был один, – резюмировал лейтенант.

– Это точно?

– Ну, – лейтенант глубокомысленно улыбнулся, – если только сообщники не были в перчатках, но это навряд ли. Вообще, все сделано непрофессионально.

– Ты не думал над тем, что могли искать в квартире Галкиной? – Яна стряхнула пепел с сигареты и плеснула себе немного коньяка.

– А черт его знает, – откровенно признался Руденко, – ясно только, что не деньги и не драгоценности.

– Может быть, наркотики?

– Нет, – покачал головой Руденко, – ребята из лаборатории сделали спектральный анализ некоторых вещей из квартиры Галкиной – никаких следов. Слушай, – он наполнил себе бокал из второй бутылки с портвейном, – а чего ты, вообще, этим делом так интересуешься? Клиента, как я понимаю, у тебя нет. Ты что, собираешься работать бесплатно?

– Я получила от Галкиной аванс, – Яна глотнула немного коньяка и положила в рот маленькую дольку лимона, – так что мне нужно его отработать.

– Не пудри мне мозги, Яна Борисовна, – Руденко поморщился как от зубной боли, – твою клиентку, – он развел руками, – отправили к Богу в рай. Чего теперь тебе беспокоиться об авансе? Кстати, – Руденко с лукавой провоцирующей улыбочкой склонил голову на бок, – много получила?

– Триста, – резко бросила Милославская, – только какое это имеет значение?

– Долларов? – Руденко чуть не поперхнулся портвейном.

– Рублей, Сеня, – успокоила его Милославская.

– Господи, – растаял лейтенант в виду незначительности суммы, – да плюнь ты на это дело и разотри. Подумаешь, три сотни!

– Дело не в деньгах, Семен, – с серьезным видом произнесла Яна, – я чувствую, что косвенным образом виновата в ее гибели. Если бы я начала немного раньше, возможно, несчастья бы не случилось.

– А-а, – протянул Три Семерки и в несколько глотков опорожнил бокал, – делай как знаешь. Ты ведь если упрешься – тебе хоть кол на голове чеши. Только ко мне со своими проблемами не приставай – у меня и так дел по горло. Сегодня уж так и быть – спрашивай, – он нацепил на вилку соленый грибок и отправил его в рот. Потом крикнул от удовольствия, закинул ногу на ногу и раскинулся в кресле как большой толстый кот на солнышке. Яне даже показалось, что она слышит, как лейтенант мурлычит в усы.

– Ты решил что-нибудь с рапортом? – спросила Милославская, чтобы еще больше ослабить своего собеседника.

– Не переживай, – усмехнулся он, но Яна заметила, что ему приятно ее участие. – Не первый раз – придумаю что-нибудь.

– У Галкиной остался кто-нибудь из родных? – пользуясь случаем, спросила Яна.

– Родители, – вздохнул Руденко, – только они далеко живут – под Москвой.

– Ты проверил номер машины, который я тебе дала?

– Машина не имеет к Галкиной никакого отношения, уверяю тебя, – Руденко закурил и попытался пустить сигаретный дым кольцами, но у него ничего не получилось.

– Сеня, – настойчиво повторила свой вопрос Милославская, немного изменив формулировку, – кому принадлежит эта машина?

– Ты настаиваешь? – пьяно ухмыльнулся лейтенант.

– Девушке казалось, что за ней следят, – мягко произнесла Милославская, – ей даже удалось записать номер машины, из которой, по ее мнению, за ней вели наблюдение. Почему бы не проверить эту версию?

– Я так и знал, что ты от меня не отстанешь, – лейтенант вынул и положил на стол небольшой клочек бумаги, – здесь координаты хозяина машины – ребята из ГИБДД пробили по компьютеру.

– Копелев, Сергей Павлович, – прочитала Яна вслух.

– Майор налоговой полиции, между прочим, – усмехнулся Руденко. – Не думаешь же ты, что он...

– Я ничего не думаю, Сеня, – перебила его Милославская, – просто хочу сама во всем убедиться.

– Убеждайся, убеждайся, – Руденко выпятил губы, – можешь даже на картах погадать, только предупреждаю, меня сюда не припутывай. Учти – я тебе ничего не давал.

– Не волнуйся, Семен Семеныч, – не без иронии посмотрела на него Милославская, – все будет – шито-крыто. Ты вообще, как домой-то будешь добираться? – намекнула она лейтенанту, что пора бы уже и честь знать.

– На машине, как же еще? – он растянул губы в улыбке, – а может, ты мне постелишь где-нибудь на коврике?

– На коврике спит Джемма, – осадил его Яна, – а тебя дома жена ждет.

– Жена еще два дня на даче будет, – мечтательно произнес лейтенант, – так что, может...

– Не может, Сеня, – решительно покачала головой Милославская, – если хочешь, могу тебе такси вызвать, – она потянулась к телефону, но он остановил ее.

– Е-мое, какое такси, Яна Борисовна?! – возопил лейтенант, – да я на своей «шестерочке» в любом состоянии до дома доберусь. Кстати, не такой уж я и пьяный, – он резко встал, но не удержался и, взмахнув руками, словно подбитая палкой ворона крыльями, и снова упал на кресло.

– Сейчас, я приведу тебя в чувство, – сказала Яна и отправилась на кухню.

Она сварила крепкий кофе и принесла его лейтенанту.

– Пей, Сеня, – приказала она, поставив перед ним чашку, – а потом, я потру тебе уши, и ты будешь как огурчик.

– Вот уши не надо, – едва не расплескав кофе на себя, Руденко сделал маленький глоток.

Минут через пятнадцать он был уже почти в порядке. Во всяком случае, до машины добрался сам, ни разу даже не упав. Он сел за руль, запустил двигатель и закурил. Яна, возле которой нарезала круги Джемма, стояла рядом, с усмешкой глядя на лейтенанта.

– Может, мне лучше остаться? – жалобно пропел лейтенант, пытаясь смотреть Яне в глаза.

– Езжай домой, Семеныч, и хорошенько поспи, – напутствовала его Милославская, – только смотри, столбы не пошибай по дороге.

– Не бойсь, – лейтенант лихо, по-гусарски закрутил усы, но они почему-то снова обвисли, как у Тараса Бульбы. – Чао, – пробормотал он на прощанье и нажал на газ.

– Цыга-анка гада-ала, цыга-анка гада-ала, – услышала Яна пьяный голос Руденко из открытого окна удалявшегося автомобиля.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Она вернулась в дом, убрала грязную посуду в раковину и, оставив ее там до утра, устроилась в гостиной с чашкой кофе и сигаретой. Поискав глазами пульт дистанционного управления, включила телевизор и стала переключать каналы. Праздничная программа отличалась от будничной лишь молодящейся Аллой Пугачевой на главной телевизионной кнопке и ее супругом – на второй. На НТВ последнее время крутили одну развлекаловку, а новостные программы ничем не отличались от программ ОРТ и РТР. «Это чтобы у народа голова не болела, какую кнопку нажать», – подвела итог Милославская и выключила телевизор. Ну, не смотреть же в конце концов пафосные американские боевики десяти-пятнадцатилетней давности со Шварцем, Ван Даммом и Дудикоффым в главных ролях, которые крутили по всем восьми каналам, принимавшимся в городе. Все эти ленты прямо-таки выдавливали слезы умиления, когда правда в лице отважного пуле-гранатонепробиваемого героя побеждала ложь в лице грязного, зажравшегося мафиози или все на своем пути крушащего монстра с далекой планеты.

Правда, нет-нет, да и по нашему телевидению проскальзывали неплохие французские фильмы типа «Последнего танго в Париже», анонсированного как эротика, или «Салон красоты „Венера“ с Натали Бей, название которого почему-то перевели как „Красота Венеры“». Короче, по ящику смотреть было нечего. Пришлось подняться и найти в книжном шкафу томик Генри Миллера. Но и замечательная, грубовато-сочная проза Миллера почему-то не усваивалась. Отложив книгу в сторону, Милославская потянулась всем телом и посмотрела на часы. Половина первого. „Нужно принять ванну и ложиться спать“, – сказала она себе и собралась уже встать, чтобы выполнить намеченное дело, как ее остановил телефонный звонок.

«Наверное, Семеныч добрался домой и решил меня успокоить», – подумала она, снимая трубку, но оттуда прозвучал довольно приятный, но вовсе ей не знакомый голос, который принадлежал немолодому уже мужчине. Во всяком случае, так показалось Яне.

– Прощу прощения за поздний звонок, – сказал мужчина. – Яна Борисовна, если не ошибаюсь?

– Да, это я, – ответила Милославская, – но...

– Засурский, Яков Григорьевич, – перебил ее абонент, – еще раз прошу прощения, если разбудил вас, но я боялся, что могу не застать вас завтра утром, а мне бы хотелось встретиться с вами как можно быстрее.

– Это как-то связано со смертью Жени Галкиной? – поинтересовалась Милославская.

– Думаю, мы сможем поговорить об этом завтра у меня, – не ответил на вопрос Засурский. – В десять вас устроит?

– Вообще-то, завтра у меня выходной, – соврала Милославская, но Якова Григорьевича не так-то просто было смутить.

– Можете не сомневаться, ваш труд будет щедро вознагражден, – твердо произнес он.

– Хорошо, в одиннадцать, – согласилась Яна, – если вы так настаиваете.

– Спасибо. Я буду ждать вас у себя в кабинете. До свидания, – сказал Засурский и положил трубку.

«Какого черта нужно от меня этому толстосуму? – подумала Яна. – Наверно, ему доложили, что я интересовалась его отпрыском». Больше она ни о чем не стала сегодня думать. Она приняла душ, смывая с себя заботы и хлопоты сегодняшнего дня, растерлась большим махровым полотенцем и легла спать.

* * *

Утром она вымыла посуду, выпила кофе, закусила холодной курицей и салатами, оставшимися от вчерашнего праздничного ужина и отправилась в казино. Джемму, которая видя, как она собирается, крутилась под ногами, норовя ухватить за лодыжку, она решила оставить дома.

– Охраняй, – приказала она собаке, выйдя за калитку.

Казино «Большая игра» было еще закрыто, но, видимо, Яну ждали, потому что охранник, увидев ее, открыл стеклянную дверь и, поинтересовавшись, не Милославская ли она, любезно пригласил пройти.

Яна не стала выпяливаться, но не могла отказать себе в удовольствии одеться элегантно и модно. На ней был деловой костюм из серого твида, состоявший из стильного однобортного пиджака со слегка округленным лацканами и узких брюк. И теперь ступая по светлым, в тон стенам, коврам, она чувствовала себя вполне комфортно и свободно. У нее было такое ощущение, что она представляет некую проверяющую организацию – так безупречно сидел на ней английский костюм, и такой отстраненной от окружающего блеска и хищных амбиций она себе казалась. Чувствуя, с какой мягкой и настойчивой нежностью льнет к ее плечам, талии и коленям шерстяная ткань, Яна все же не могла подавить лукавую усмешку – этот костюм, несмотря на деловой стиль и некую таящуюся в нем холодность, все же был слишком тонок, мягок, чувственен, чтобы иллюзия лица проверяющей организации, поселившаяся в ее сознании, могла существовать отдельно от насмешливой поправки на юмор.

Эта мысль развлекала Яну и отвлекла ее от того беспокойства, которое вызвало в ней приглашение Засурского. Она была заинтригована и все-таки на душе у нее было беспокойно, как если бы она ожидала какого-то подвоха. Значит, Засурский заинтересован в том, чтобы Яна расследовала это дело. Почему? Потому что это касается его сына? Или потому что предмет, из-за которого убили Женю, имеет в его глазах ценность. Возможно, он захочет, чтобы Яна нашла это таинственное нечто и вручила ему за кругленькую сумму. Руденко будет расстроен, – Яна улыбнулась кончиками губ, как бы стыдясь этой улыбки, считая ее чересчур инквизиторской. Когда ее рука легла на ручку двери, ведущей в кабинет владельца казино, она была так далека от окружающих ее реалий, переключившись мысленно на Руденко и на массу мелких приятных вещей, о которых стала думать исключительно из психотерапевтических целей, чтобы побороть волнение, и которыми незаметно для себя увлеклась, что кабинет Засурского показался ей четвертым измерением.

Сам Засурский сидел в кожаном кресле, вальяжно откинувшись на спинку и глядя на вошедшую Яну из-под тяжелых полуопущенных век. Полноватый, с большими руками, чем-то похожий на медведя, Засурский выглядел лет на сорок пять. Его открытое, красивое лицо было несколько анемичным, но живые карие глаза под почти сросшимися черными бровями излучали бездну лукавства. Тонкие, почти невидимые губы и огромные глаза делали его похожим на те изображения поздней античности и византийской поры, в которых именно таким контрастом было подчеркнута возрастание духовности и угасание чувственности. Вот только чудовищно узкий рот Засурского, который был к тому же плотно сжат, будил скорее впечатление чего-то порочного и мстительно-плотоядного. Правильный нос ничего не добавлял этому примечательному лицу, он стал, выражаясь метафорически, невидимкой и в виду этого контраст между большими глазами с ленивым прищуром и нитеобразным ртом достигал своей потрясающей силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.